

ІСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ЛІТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕСУ

УДК 8.01

В.Л. УДАЛОВ,

*доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии
Института филологии и журналистики
Волынского национального университета им. Леси Украинки*

ПРОБЛЕМА ТОЧНОСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ДРУГИХ НАУК

Статья исследует возможности и необходимости решения проблемы точности литературоведения и других наук, условия, обеспечивающие научную точность.

Ключевые слова: наука, методология, точность, литературоведение, целостно-системный метод, классификация, систематизация.

Проблема точности-неточности литературоведения – давняя проблема. Она связана с актуальными и сегодня проблемами классификации наук. Классификаций, напомним, много – Аристотеля, Фр. Бекона, Гегеля, О.Конта, Дильтея, Виндельбанда и Риккерта, Энгельса, Вернадского, Кедрова и др. [9, с. 53–60]. Связана она и с проблемами исторических уровней развития науки [21; 19; 18], проблемами степени качества научных исследований, соотношения философии и конкретных наук, философии и искусства, и т. д.

Обратимся в данной статье к вопросам возможности и необходимости решения проблемы точности, а также к условиям, обеспечивающим точность в науке вообще, литературоведении в частности.

Современные учебники, пособия уже фиксируют, что долгое время, особенно в XX-м столетии, анализ науки и научного познания проводился по «модели» естественно-математического знания. «Характеристики последнего считались свойственными науке в целом как таковой, что особенно наглядно выражено в натуралистическом сциентизме» [9, с. 60]. Отсюда возникло деление наук на естественные, технические и общественно-гуманитарные (согласно принципу триадного деления). Первые две сферы считаются, естественно, точными, потому что пользуются математикой, их выводы подтверждаются экспериментами (конечно, непосредственно конкретными), количественными расчетами, вычислениями. В результате неточной считалась общественно-гуманитарная сфера наук, в том числе литературоведение.

Однако в последние годы такой подход сам стал восприниматься как неточный. Об этом в 1997 г. писал Н.К. Наенко, находя, что в таком подходе много тенденциозности, субъективности: «На самом деле точность (отсюда – неточность) литературоведения лежит в той же плоскости, что и объективность. Точным является то суждение, которое представляет собой результат научного исследования, иначе говоря – соображений о литературном факте, а не субъективной (тенденциозной) оценки его (пер. с укр. – В.У.)» [12, с. 4].

На это в 2004 г. обратил внимание В.П. Кохановский: «Поскольку гуманитарный материал достаточно сильно индивидуализирован и слабо поддается структурированию и типологизации – это сильно затрудняет его выражение в «точном языке», его унификацию

и категоризацию. Однако эти процедуры применяются и в этой сфере, хотя их осуществление сталкивается с большими трудностями. В настоящее время все более укрепляется мысль о том, что хотя социально-гуманитарные науки действительно изучают прежде всего индивидуальные, единичные события и процессы, но это отнюдь не значит, что в них неприменимы общие методы и принципы научного исследования». При этом, цитируя Г.И. Рузавина (из его кн.: Основы философии истории. – М.: 2001. – С. 8), В.П. Кохановский продолжает: «Специфика указанных наук «не дает права рассматривать историческое (социологическое, культурологическое и т. п. – В.К.) познание вне связи с общим процессом научного познания, его принципами и общими методами исследования» [9, с. 514].

Уже из приведенных соображений заметно, что дело тут не в самих науках как отдельных, обособленных явлениях, а в точности или неточности их научно-методологических основ, то есть в качестве научной методологии, ее аппарата и, в частности, в уровне понимания самих понятий «математика», «математичность». Это касается каждой науки, в одинаковой степени и литературоведения с его основными составными, среди которых важную роль играет качество теории литературы.

Рассмотрим эти вопросы подробнее. В 60-х гг. писали: «Литературоведы до сих пор лишены «окончательной» терминологии, «твердых» принципов анализа» [4, с. 12]. Так пишут и в последние годы о качестве истории, теории литературы, методики, методологии литературоведения, хотя это отдельные замечания. В 1997 г.: «Галузь, що була занедбана, – уся сфера поетики»; «Серйозних реформ вимагає історія літератури» [6, с. 16]. В 2003 г.: «Не може не імпонувати посилення уваги до теоретичного аспекту, продуманий зв'язок з літературним матеріалом»; «Методологія має передувати методиці» [8, с. 55, 61].

В 60–80-х гг. Д.С. Лихачев пытался защищать мысль, что действительно есть точные и принципиально неточные науки, к которым относится и литературоведение. В 1981 г. в книгу «Литература – реальность – литература» он в очередной раз включил статью «Еще о точности литературоведения» (1979), где писал: «В литературоведении существует своеобразный комплекс собственной неполноценности, вызываемый тем, что оно не принадлежит к кругу точных наук. Предполагается, что высокая степень точности в любом случае служит признаком «научности» [10, с. 195].

Стремясь вместе с тем уточнить, когда литература и литературоведение все же точны и где, по каким причинам, неточны, Д.С. Лихачев объяснял: «Все попытки создать точную методику исследования в литературоведении так или иначе связаны со стремлением формализовать материал литературы... Формализация становится недопустимой только тогда, когда она насильно приписывает материалу ту степень точности, которой он не обладает и по существу своему не может обладать... Что же в литературе не может быть формализовано, где границы формализации и какая степень точности допустима?.. Художественное творчество «неточно» в той мере, в какой это требуется для сотворчества читателя, зрителя или слушателя. Потенциальное сотворчество заложено в любом художественном творчестве».

Отсюда возник и конечный вывод: «Если расположить весь куст литературоведческих дисциплин в виде некоей розы, в центре которой будут дисциплины, занимающиеся наиболее общими вопросами интерпретации литературы, то окажется, что, чем дальше от центра, тем дисциплины будут точнее. Литературоведческая «роза» дисциплин имеет некую жесткую периферию и менее жесткую сердцевину» [10, с. 197–198]. К точной, «жесткой периферии» он относил дисциплины, сопутствующие литературоведению: «литературное источниковедение», «литературную археографию», «историографию», «библиографию», «стиховедение» и т. п. В таком случае собственно «неточными» оказывались основные дисциплины: литературная критика, история литературы и теория литературы (методологию в тот период в состав литературоведения не допускали, не включали, в чем, кстати говоря, проявлялось искусственное обособление, надуманная «оторванность» наук друг от друга на том уровне, где объективно имеет место их внутренняя общность).

Обратимся теперь к оценке высказанного. Сегодня уже несложно увидеть, что в основе сделанных в 60–80-х гг. выводов лежат приблизительные, описательные соображения всего лишь из области отдаленного и потому субъективного восприятия исследуемых объектов («жесткая», «менее жесткая», «сердцевина», «роза»). Недаром М.К. Наенко поз-

же писал (см. выше), что точность-неточность литературоведения лежит «в той же плоскости, что и *объективность*», а не в области их «субъективной оценки».

Таким образом, ошибочное решение проблемы возникло, оказывается, из-за имевшего в то время место недостаточного качества научного подхода и недостаточно высокого уровня научного исследования избранных объектов, а не от их собственного противостояния (естественные науки и математика – другие науки, социально-гуманитарные), при котором, вроде бы, имманентно, от природы своей, есть науки точные и неточные.

Если, для наглядности, пойти дальше в таком ложном допущении, то придется соглашаться с еще большими нелогичностями и бессмысленностями. Если, допустим, считать, что вообще все удаленное от эмпирии (конкретной чувственности) и математики (цифровой) является неточным, расплывчатым, приблизительным, – то окажется, что предельно неточными и потому особенно сомнительными станут выглядеть вообще любые объективные, но не конкретно-цифровые *закономерности*. Тем более, это будет касаться *всеобщих* объективных принципов и законов самой Действительности – таких, как [22, с. 19], «материя» (двух основных типов), «строение и развитие», «количество и качество», «мера и степень», «содержание и форма», «направление», «сущность и форма проявления», «ступенчатость», «возможность и необходимость», «конечное и бесконечное», «конкретное (телесное, вещественное) и абстрактное (диастольное, разреженное)», «часть (показатель одной стороны, одной из противоположностей) и целое (ступенчатое единство противоположностей)», а в конечном счете и само «Бытие» всего, что есть, т. е. «Действительности». Так что же – все эти и другие всеобщие (везде, во всем, всегда действующие) закономерности Действительности неужели стоит считать «неточными», а значит «неестественными» и потому сомнительными, надуманными? Может, и мы тогда «как бы» не существуем да и самой Действительности нет?..

Или все же признать, наконец, обратное – именно то, чему долгое время в XX в. тоже отказывали в существовании: признать, что «истина» (онтологическая прежде всего) не есть только «конкретная» и всегда частичная, только чувственно воспринимаемая. Стоит, наконец, признать и то, что «понятие конкретной истины утратило бы всякий смысл, если бы не было ее противоположности, абстрактной истины» [13, с. 439], что смысл утрачивает и часть, когда игнорируется целое.

Такого признания требует учет практического действия всех всеобщих объективных принципов, в том числе принципа «целостности» (единства противоположностей), отсюда учет того объективного факта и явления, что «абстрактное» – это отвлеченное от «конкретного» и «множественного», т. е. в основе лежащее и их связующее. Следствием будет и то, что «истина» есть не только онтологическая (бытийная), но и гносеологическая (познавательная), которая бывает частичной и целостной, частично-системной (односторонней, поверхностной, субъективированной) и целостно-системной, т. е. объективной, природной, естественной, учитывающей наличие противоположностей.

Следующей причиной ошибочных представлений о точности-неточности литературоведения оказывается нередко встречавшаяся в былые времена так называемая «подмена понятий» или, шире, «подмена оснований». Скажем, выводить неточность науки о литературе из учета в литературе расчета на соавторство, сотворчество читателя, зрителя, слушателя – как раз и есть подмена понятий. Во-первых, учет сотворчества имеет место не только в литературе и науке о литературе, а в любой науке и в любом искусстве. Во-вторых, сотворчество – это уже иная сфера, не сама по себе литература и наука, а их восприятие (т. е. не внутренняя, а внешняя по отношению к ним сфера), где есть свои уровни и ступени качества. В-третьих, с уровнем *качества восприятия* избранных объектов, присущего не иначе, как *субъектам* науки, причем опять-таки не только науки о литературе, а вообще любой науки, – как раз непосредственно и связана степень качества (точность-неточность) как отдельных исследований, так и самой науки в целом. И, в-четвертых, решение вопроса упирается в выяснение степени качества тех базовых оснований, что лежат исторически и фактически в основе определенной науки и всех наук, т. е. в выяснение степени качества их методологических корней.

В результате винить в таком случае следует не ученых или писателей, не отдельную науку литературоведение и не художественную литературу, а качество избираемой науч-

ной методологии – литературоведческой и вообще научной. Это, оказывается, сами познавательные подходы, характер и процесс *восприятия* избираемых объектов бывают в науке, причем любой, точными или неточными по определенным причинам.

Неточными восприятие и его методология бывают тогда, когда в основе их лежит использование неточного познавательного аппарата, неточных познавательных и онтологических категорий и понятий. Неточных, если они частичны, однобоки, поверхностны, узки, если они не адекватны Природе, не гармонируют с имманентными законами объектов, принципами существования и развития Действительности.

По причине неадекватности восприятия художественную литературу объявляют, например, существующей для развлечений (сегодня, к сожалению, это довольно распространенный взгляд). В действительности же объективная функция литературы не столько развлекательная (это сопутствующий прием), сколько познавательная, воспитательная и, главное, мировоззренческая в своей основе. Винить, таким образом, необходимо поверхностные (частично-системные) подходы и взгляды. Их надо углублять до уровня имманентной связи с природными свойствами художественной литературы, которая в конечном счете отражает Действительность и потому от нее получает свою *организмичность*, о чем уже пишут современные Философские словари [14, с. 453–454; 24, с. 344; 25, с. 466–468].

Стоит учитывать и уровень мышления писателей и литературоведов, как и принятый в литературоведении уровень методологии. Этот уровень во многом грешит пока субъективизмом (отклонением от учета и использования объективных закономерностей).

Есть и в естественных науках, а также в философии, как отметим ниже, проявления субъективизма. Они тоже свидетельствуют, что неточности зависят от качества мировоззренческого, философского, методологического восприятия объектов исследования – объектов физических, математических, химических, биологических, социальных, политических, литературных и т. д. Причем, если еще точнее, речь идет прежде всего о качестве не *общей* (избирательной, относительной), а *всеобщей* методологии. Есть, оказывается, и такая, ибо есть не только «общее», но и «всеобщее», лежащее в его основе [24, с. 140], а не наоборот, как часто считают [подробнее см. 22, с. 27–32], есть не только «относительное», но и «абсолютное», не только «конечное», но и «бесконечное», а также и гармоничное взаимодействие между всеобщими объективными принципами, законами объективной и субъективной Действительности. Отсюда всеобщая методология – замечают ее или нет – непременно лежит, в той или иной степени (даже бесконечно малой), в основе мышления, познания, поведения и деятельности любого субъекта, ибо субъект всегда тоже часть Действительности (всего, что есть) как Объекта.

Итак, это именно *всеобщая* методология пока еще нечетко усвоена, осмыслена, недостаточно объективной выглядит в нашем восприятии, недостаточно в нашем, субъектов, понимании целостна и системна, что и снижает качество наук. Существенная причина этого в том, что мы все живем в «*переходный период*» в науке (ему уже столетия) – от *частично-системного* уровня методологии научных исследований, а также мировоззрения, мышления, к апогейному, *целостно-системному*, природному уровню, то есть адекватному целостно-системной Природе Действительности. Мы *всеобщие* принципы Природы Действительности, ее строения, развития, Бытия знаем пока недостаточно даже в их перечислении, не то что в системной взаимосвязи и гармонии (об этой проблеме четко знают физики-ядерщики). Да и зная некоторые из всеобщих принципов, часто нарушаем их себе во вред – в быту, в политике, в науке и т. д.

Не удивительно, что есть много неточностей не только в науке о литературе, но и во всех остальных науках, естественных тоже, да и в философии. Например, методологический принцип *триадного* деления теоретически уже осмыслен как искусственный [24, с. 489; 25, с. 700] в отличие от природного, *бинарного* подхода и деления, но по давней традиции во всех науках и в философии практически продолжают пользоваться *триадностью*, а потом удивляются наличию противоречий и ошибок в процессе исследований и в выводах. Другие примеры: частое игнорирование в разных науках принципа органичности в пользу механистичности, принципа объективности в пользу субъективности, принципа взаимосвязи в пользу односторонней связи. Скажем, нередко еще считают, что в одних произведениях есть конфликт, в других нет. То же происходит с восприятием сюжета, жанра. Есть популя-

ризация идей «смерти романа», «смерти автора», «номадологии» (с ее идеей нового типа книги и литературы: «без автора-субъекта и мира-объекта») [17, с. 320–326], «симулакрума» (как замены типологии образов одной его разновидностью) [17, с. 456–459], «хололизма» (утверждающего «неделимое Целое» как подмену Целого и Части [23, с. 700]), «шизоидного типа сознания, где отсутствует жесткое ролевое закрепление субъекта в мире», где «единое может существовать параллельно с противоположностями, целое – отдельно от частей и не объединяя их» [5, с. 9–10]. Есть и другие хитросплетения и досадные неточности, возводящие Хаос и безудержную Фантазию в культ слепого поклонения.

Короче, реальный путь к математической точности – в повышении качества понимания и использования принципов объективного познания объектов, отсюда всеобщей для всех наук методологии, осмысление ее как природной, целостно-системной и перспективно значимой.

Итак, все науки, в том числе литературоведение, и *могут* объективно, и объективно *должны* быть математически точными. Это во-первых.

Во-вторых, ради ответа на вопрос: как этого достигнуть, важно учесть, что математика, математическая точность согласно своей природе бывают – тут и есть главный ответ – *разными*. Без учета этого обстоятельства как раз и возникает то обманчивое впечатление, что наука о литературе вроде бы принципиально «неточная наука».

Дело в том, что математикам, физикам известно, и выдающийся французский математик Анри Пуанкаре (1854–1912) об этом писал [15, с. 8–9], а много раньше Аристотель детально объяснял, что «формализация», «математика» и «точность» имеют две противоположные формы проявления (как результат действия принципа бинарности): они бывают *количественными* (гр. – квантитативными) и *качественными* (гр. – квалитативными) [16, с. 517]. Об этом есть подробные сведения и в книге В.П. Визгина «Генезис и структура квалитативизма Аристотеля» (М.: Наука, 1982) [3]. И каждая наука всегда использует оба проявления математики, отсюда и точности – *количественную* (цифровую) и *качественную, терминологическую*. Использование происходит с учетом всеобщего принципа доминанты (преобладания) одной или другой противоположности (что не нарушает наличия их взаимосвязи).

Преобладающее использование в *естественных* науках квантитативного, количественно-математического метода и аппарата широко известно. Что касается *гуманитарных* наук, в том числе литературоведения, языкознания, мало пока учитывается, что объективно (независимо от субъектных желаний) их научный аппарат преимущественно квалитативный, *качественный*, то есть *терминологический* – с разной степенью качества терминов. Хотя «Дильтей доказывал самостоятельность предмета и метода гуманитарных наук по отношению к естественным (одни «изучают жизнь природы», другие «науки о духе» – жизнь людей)» [9, с. 487], – все равно *абсолютной* самостоятельности, общности тут быть не может в силу уже отмеченных всеобщих причин: жизнь природы и жизнь людей теснейшим образом взаимосвязаны. Как всюду, здесь тоже действует принцип доминанты, преобладания. «Социальное познание ориентировано *преимущественно на качественную* сторону изучаемой им действительности... Поэтому удельный вес количественных методов здесь намного меньше, чем в науках естественно-математического цикла... Как бы широко математические методы не использовались в гуманитарных науках, они для них остаются все же вспомогательными методами, но не главными» [9, с. 522–523].

И вот теперь обратим внимание, что степень *качества* терминологии бывает разной и в литературоведении, и в науках из сферы самого познания, мышления, в гносеологии, логике, философии:

а) местами исторически приблизительной, поверхностной, узкой, далекой от точности (объективной адекватности), т. е. *частично-системной*;

б) а в чем-то уже *целостно-системной*, точной, где уже достигнута адекватность в понимании природы объекта, объектов.

Как достичь апогейной, *качественно-математической* точности научного аппарата? Поскольку он состоит из «слов» и «терминов», это и подсказывает необходимость сравнения их между собой.

Слова, как известно, *многозначны*, отсюда часто не понимаем, о чем речь; возникают недоразумения. В науке «люди не понимают друг друга потому, что они не говорят на одном и том же языке», – справедливо писал Анри Пуанкаре, имея в виду язык слов, их смыслов, значений, язык научных взглядов [15, с. 616].

Термины – *однозначны* по смыслу, отсюда обладают качественной четкостью значения и функции, иначе говоря, они математически точны.

Итак, спасение и перспективное развитие всех наук – естественных, технических, философских, гуманитарных, в том числе литературоведения – в повышении качества их научной терминологии, прежде всего той, что касается методологии, онтологической и гносеологической.

Для непосредственного достижения математичности (синоним точности) качественного научного аппарата существует опять-таки *два* способа. Они противоположны (а не противоречивы) и дополняют друг друга.

Об одном из них писал Рене Декарт: «Определяйте значения слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений». То есть дело – в превращении «слов» в «*термины*» и в уточнении смысла имеющихся научных терминов, в избавлении их от поверхностных, частичных значений, в доведении их до целостности. Это первый прием достижения точности в науке вообще, в литературоведении в частности. Так, «метод» – не только «способ» (в этом односторонность), но и «путь» (опять два аспекта).

Второй прием возникновения или корректировки терминологии остался за пределами внимания Декарта. Не упоминали о нем ни Френсис Бекон, ни Гоббс, Локк, Кант и т. д. [19], взгляды которых сказываются в науке до сих пор. Между тем сегодня нетрудно догадаться и о существовании этого приема, и о его смысле. Если учесть, что объект как целое – единство противоположностей, по меньшей мере двух, и есть, известна одна из них, то уже ясно, что должна быть вторая, что она при этом противоположна первой на общем «основании». Поскольку первый способ (корректировка *значения*) связан с *внутренней* стороной «слова» и «слов» (внутренняя сторона – это «основание» их значения), значит второй способ, противоположный, связан с корректировкой *внешней* стороны «слова» и «слов» – их взаимосвязи.

Выход и в самом деле в том, что «*слова*» как вербальная форма мысли, мыслей, отражающих окружающее, не существуют отдельно, как и тела, вещи, явления, приемы, законы, принципы. Они всегда взаимосвязаны, имеют связи *внутренние* и *внешние*. Об этом знали в Древнем Китае, Древней Индии. Знал Аристотель, который писал: «Противоположности суть начала существующего», «Следует мыслить себе как единое двойку» [2, с. 77, 276]. Осознавали это Аль-Кинди [24, 14], позже, в XVII-м в. – украинцы Касиян Сакович и Иоаникий Галытовский, за которыми наука, к сожалению, не пошла в свое время [11, с. 90–92].

Эти факты и подсказывают второй способ: определяйте *взаимосвязи между* словами и терминами, и вы избавите мир от второй половины его заблуждений.

Приведем примеры из разных наук. Категорию «целое» понимают в философии обычно как *совокупность* (частей, элементов), хотя при этом учитывается лишь формальная, механистическая связь, которая охватывает лишь часть объектов (и в этом частичность определения). Объекты же есть и организмические, где внутренние связи – теснейшие, взаимопроникающие [14, с. 214, 215; 1, с. 391–392]. Отсюда и «целое» – если в конечном счете, на уровне сущности – это *единство противоположностей*, которое по природе своей всегда ступенчато (есть 1-я, 2-я ступень единства и т. д.). Другой пример. «Объектом» часто считают то, что попадает в поле зрения субъекта, хотя и тут видна односторонность (не учтена онтология), ибо «объект» противоположен *любому* «субъекту», а не только познающему [15, с. 359, 614]. В свою очередь «структуру» и «систему» не всегда различают на уровне их сущности – «структуру» как *доминирующее соотношение* частей и элементов в объекте, а «систему» как *доминирующее взаимодействие* этих частей, элементов. Сущностные определения таковы, ибо «соотношение» и «взаимодействие» – два противоположных вида «взаимосвязи», которая выражает собой их единство [25, с. 64], а не «признание взаимодействия и взаимозависимости» [25, с. 199], поскольку тогда игнорируется «соотношение», которое тоже «отражает взаимозависимость» [25, с. 74].

И таких неточностей в определении *взаимосвязей* между терминами в современной философии пока много. Она от них избавляется (правда, очень медленно). Есть и неиспользованные, упущенные, забытые возможности, в частности, принципы «доминанты», «перерыва постепенности», «скачка» и др.

В астрономии, астрофизике, отсюда и в быту, чаще считают, что Вселенная – это вообще все, что нас окружает. Но это узкий взгляд. Древние мыслители четко знали, что Вселенная – это лишь «светлый порядок» и одна сторона Действительности (< гр. *di* < *dis* – дважды [16, с. 354] + *ist* – «настоящий, несомненный», укр.: «існуючий», отсюда «истина» [26, с. 179]), Действительности как «двояко существующего», имеющего Природу (как свою Основу) и Бытие как функцию. Древние украинцы тоже знали, что часть Действительности – то, что «світиться», отсюда и слово «Всесвіт» («все, що є світ»). Вместе с тем древние греки знали, что Космос – это «темный порядок». Отсюда Космос и Вселенная – две основные стороны Действительности, они соотносительны, взаимодейственны, взаимопроникают и взаимовлияют друг на друга. В таком понимании – объективная точность и богатые возможности для четкого использования терминов.

Еще пример. Часто пишут: «Метагалактика, в которой мы живем» – единственная во Вселенной». Лишь иногда пишут, что метагалактик много. Кроме того, часто считают, что наша Метагалактика только расширяется, и спорят, будет ли она сжиматься или уже начала. В таких выводах виновата неточность терминов.

Между тем, если размышлять объективно и целостно-системно, одного-единого процесса нигде нет и быть не может: это противоречит объективным и всеобщим законам и принципам (везде есть прежде всего две стороны). И нашей Метагалактике свойственны два процесса одновременно: за принципом доминанты расширение в ней целостное, а сжатие локальное (отсюда «черные дыры»). Это и в Метагалактиках нашего типа – в отличие от Антиметагалактик, которые в целом, наоборот, сжимаются при локальном расширении. Так обеспечивается между ними взаимообмен вещества и энергии. Но другие Метагалактики долго еще не будут видны из-за огромнейшей удаленности.

Есть, таким образом, во всех науках неточности и точности качественного, терминологического характера. Приведем примеры из теории литературы, которая вслед за методологией нуждается в качественном уточнении. Художественный образ одни привыкли определять как конкретную картину жизни (следуя, скажем, за Г.Л. Абрамовичем, П.К. Волынским), другие как обобщенную (за Г.Н. Поспеловым), а третьи считают образ одновременно конкретной и обобщенной картиной Действительности (за Л.И. Тимофеевым, В.М. Жирмунским, Н.А. Гуляевым). Однако лишь последний взгляд объективный и целостно-системный, что четко доказывается двояко, на единичном и всеобщем уровнях – не только фактами из литературы, но и гармонией взаимодействия всеобщих закономерностей. При этом в одних образах доминирует конкретное над обобщенным, в других обобщенное над конкретным. В результате одни образы повернуты к нам или полностью конкретной стороной (пример из Пушкина – «В роще сумрачной, тенистой...»; из Шевченко «Садок вишневи колло хати...»), или полностью обобщенной (пример из Лермонтова – «Мы пьем из чаши бытия...»; из Гете: «Все быстротечное – символ, сравнение, Цель бесконечная здесь в достижении...»), или же обеими сторонами с частичной доминантой одной или другой (в большинстве произведений мировой литературы).

Поскольку образы есть в каждом произведении и находятся в столкновении, – то в любом произведении есть и конфликт, и коллизия, ибо это формы столкновения образов. И опять это объективно и точно, как бы ни старались доказывать (при механистическом подходе), что в одних случаях конфликт или коллизия есть, а в других они отсутствуют.

Частичное понимание типологии конфликтов-коллизий сказывается не только в литературоведении, но и в жизни. Люди чаще всего конфликтуют «между собой» (один вид конфликта) и «с окружением» (второй вид) и не замечают, что это всех губит. Между тем тут лишь два вида «производного» конфликта. Спасительным есть учет двух видов противоположного, «исходного» конфликта – во-первых, внутреннего (у каждого человека с собой на пользу себе и другим; об этом речь в миниатюре Тургенева «Близнецы»), во-вторых, корневого, внутриобстоятельного конфликта (столкновения в сфере обстоятельств, законов, условий, природных сил и т. п.). Примеры – в пословицах: «Кто учит-

ся на своих ошибках, ходит в темноте», «Как аукнется, так и откликнется». Или в афоризмах: «Якби ми вчилися так, як треба, то й мудрість би була своя» (Шевченко), «Слаб и робок человек, слеп умом – и все тревожит» (Пушкин), «Щелкни кобылу в нос – она махнет хвостом», «Не в совокупности ищи единства, но более – в единообразии разделения» (Козьма Прутков), «Литература – лекарство для души» (Плиний Младший).

В учете этих двух видов «исходного» конфликта – спасение для всех. С помощью художественной литературы такие конфликты усваиваются и быстрее, детальнее, и легче-проще, чем на материале любых других наук. Литературоведению они уже известны на природном уровне. Столь же четко уясняется и ступенчатая типология художественных и жизненных «идеалов» и «методов», о чем известно пока весьма приблизительно, поверхностно.

Общий вывод. Во всех науках есть точные места и неточности. Все тут зависит от уровня, от качества методологии. Все науки постепенно переходят от *частичного* (однобокого) к *целостно-системному* уровню развития, к адекватному отражению объективной и субъективной Действительности. Если, вопреки этому, видеть цель какой-либо науки или искусства в замыкании «внутри себя», это обманчивое представление. Как тут ни навязывай *литературоведению и литературе* «собственную действительность», «вольную игру творческого воображения», «автономию», все равно ни устранить, ни отменить того, что *эти «формы творческой активности субъекта»* независимо ни от кого «открытые системы», взаимосвязанные с объектами и с Всеобщим Объектом – Действительностью. Недаром, говоря словами Альберта Эйнштейна, «вся наука и литература – совершенствование повседневного мышления», мировоззрения и способностей, которые лежат в основе наших взаимоотношений, действий, всего уклада жизни. Иное дело, насколько это совершенствование качественно и в какой поэтому степени помогает человеку, людям, обществу, человечеству понять, как жить лучше.

Таким образом, литературоведение, как и другие науки, объективно может и должно быть точным качественно, терминологически. Отменить этот процесс невозможно, его можно или замедлить себе во вред, или ускорить себе на пользу. А ценность высококачественной, классической литературы для ускорения этого процесса поистине безгранична, как и ценность ее целостно-системного исследования, теоретико- и историко-литературного. Дальнейшее качественное уточнение методологии литературоведения и других наук – важнейший шаг на пути всех к лучшей жизни.

Список использованной литературы

1. Алексеев П.В. Философия: учебник / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – Изд. 2-ге, перераб. и доп. – М.: Проспект, 1999. – 576 с.
2. Аристотель. Сочинения: В 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 450 с.
3. Визгин В.П. Генезис и структура качественизма Аристотеля / В.П. Визгин. – М.: Наука, 1982. – 429 с.
4. Вопросы литературы. – 1967. – № 9.
5. Дельоз Ж. Капіталізм і шизофренія: Анти-Едіп. – Пер. з фр.; вступ О. Шевченка / Ж. Дельоз. – К.: КАРМЕ-СІНТО, 1996. – 384 с. – 2500 екз.
6. Дубина М.І. Відродження України і література / М.І. Дубина // Суспільствознавчі науки і відродження нації: збірник наукових праць. – Кн. 1. – Луцьк: ВАД, 1997. – 205 с. – С. 12–19.
7. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: курс лекций / В.М. Жирмунский. – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 440 с. (Текст – нач. 1960-х гг.).
8. Зарубіжна література в школі: Матеріали круглого столу // Слово і Час. – 2003. – № 8. – С. 45–66.
9. Кохановский В.П. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи / Ответ. ред. В.П. Кохановский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 603 с. – С. 53–60.
10. Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература / Д.С. Лихачев. – Л.: Сов. писатель, 1981. – 216 с.

11. Макаров Анатолій. Світло українського барокко / А. Макаров. – К.: Мистецтво, 1994. – 288 с.
12. Наєнко М. Українське літературознавство: Школи, напрями, тенденції / М. Наєнко. – К.: ВЦ «Академія», 1997. – 320 с.
13. Ойзерман Т.И. Существует ли абстрактная истина? / Т.И. Ойзерман // Субъект, познание, деятельность. – М.: Канон, 2002. – 718 с. – С. 417–440.
14. Організація. Організмичні теорії. Органіцизм // Філософський енциклопедичний словник: А-Я. – К.: Абрис, 2002. – 742 с.
15. Пуанкаре Анри. О науке. – Пер. с фр.; под ред. Л.С. Понрягина. – 2-е изд., стереот. / Анри Пуанкаре. – М.: Наука, 1990. – 736 с.
16. Словник іншомовних слів. – К.: Довіра, 2000. – 1018 с.
17. Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. – М.-Бишкек-Екатеринбург: Одиссей, 1996. – 607 с.
18. Удалов В.Л. Аналіз і синтез: Цілісно-системний рівень. Одноступеневий варіант / В.Л. Удалов. – К.-Луцьк: ВАД, 2005. – 72 с.
19. Удалов В.Л. Критика методу Декарта / В.Л. Удалов. – К.-Луцьк: ВАД, 2005. – 36 с.
20. Удалов В.Л. Програма курсу «Методологія літературознавства» / Для студентів філолог. факультетів / В.Л. Удалов. – К.-Луцьк: ВАД, 2005. – 40 с.
21. Удалов В.Л. Теорія літератури: цілісно-системний рівень: посібник / В.Л. Удалов. – Луцьк: ВАД, 1995. – 110 с.
22. Удалов В.Л. Принципи частково- та цілісно-системних досліджень / В.Л. Удалов, Т.В. Полежаєва. – К.-Луцьк: ВАД, 2011. – 40 с.
23. Філософський енциклопедичний словник: А-Я. – К.: Абрис, 2002. – 742 с.
24. Философский словарь. А-Я / Под ред. И.Т. Фролова. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
25. Філософський словник / За ред. В.І. Шинкарука. – 2-ге вид., перероб. і доп. – К.: УРЕ, 1986. – 798 с.
26. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская / Под ред. С.Г. Бархударова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.

Стаття досліджує можливості й необхідності вирішення проблеми точності літературознавства та інших наук, умови, що забезпечують наукову точність.

Ключові слова: наука, методологія, точність, літературознавство, цілісно-системний метод, класифікація, систематизація.

The article investigates possibilities and necessities of solving the problem of precision of literary studies and other sciences, as well as conditions guaranteeing scientific precision.

Key words: science, methodology, precision, literary studies, integral-systematic method, classification, systematization.

Надійшло до редакції 8.02.2011.